

Слова автора

Припомните, дорогие читатели... Несколько лет назад, вдохновившись первым знакомством с исторической деревушкой Валь-Жальбер¹, я начала свою сагу «Сиротка».

Благодаря шести романам саги я имела возможность не раз побывать в Квебеке, где во время странствий по замечательному региону Сагены-Лак-Сен-Жан приобрела столь дорогих моему сердцу друзей.

Во время последней такой поездки издатель рассказал мне о трагедии, произошедшей на озере в 1920-е годы и достигшей наибольших размахов в 1926 и 1928 гг. Я сразу же подумала о создании романа, действие которого разворачивалось бы в этот волнительный период. Когда я ознакомилась с документами, написание такой книги стало для меня необходимостью, настолько меня поразило горе людей, живших тогда у озера. Они столкнулись с повышением уровня воды, оказавшимся разрушительным для их среды обитания и запасов — плодов постоянного труда, с тех пор как они поселилась на этих превосходных для ведения сельского хозяйства землях. Так я смогла опереться на подлинные истории, которые терпеливо собирала.

Конечно же, я ни в коем случае не преследую цели заново возбуждать какие бы то ни было дискуссии — это не моя работа. Я хотела в первую очередь описать быт одной

¹ Заброшенный поселок в провинции Квебек (Канада), ныне — привлекательный туристический центр. (Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.)

семьи, а также отобразить повседневную жизнь всей провинции, создавая образы других персонажей, с тем чтобы в который раз отдать должное этой стране, ставшей для меня второй родиной.

Я хотела бы также напомнить, что любые совпадения с жившими ранее или реально живущими в наши дни личностями случайны, за исключением, конечно, тех, кто согласился быть упомянутым в моем произведении.

Сейчас я предлагаю вам последовать за мной. Отправимся в прошлое, чтобы узнать о судьбах Жасент и Пьера...

Глава 1

Слезы на рассвете

Сен-Прим, озеро Сен-Жан, суббота, 26 мая, 1928

Светало. Заря бросала на землю тусклый свет, однако прогнать с бледнеющего неба ярко-желтую четвертушку луны ей не удавалось. Призрачные тени танцевали по беспокойной поверхности большого озера, по которому пробегали высокие волны, поднятые ветром и еще какой-то таинственной силой. Странно, но вокруг не слышно было пения птиц, тишину не нарушал ни малейший шорох, за исключением какого-то размеренного шепота, похожего на отдаленное дыхание затонувшего монстра.

Паком вздрогнул. Он шел вдоль берега, взволнованный и в то же время очарованный. Его массивные каучуковые сапоги, испачканные грязью, на каждом шагу вязли в размякшей и рыхлой земле. Никто не просил его наблюдать за подъемом уровня воды, но он исправно выполнял эту задачу. В своем оставшемся на детском уровне сознании он был уверен в том, что таким образом приносит пользу местным жителям. Его взгляд высматривал малейшую тревожную деталь, а широкие ноздри раздувались над густыми черными усами.

Его считали простаком, но простаком добродушным. Из всех разговоров, которые он слышал вокруг, он понял только одно: все должно было повториться и теперь стоит ждать слез, стиснув зубы, как часто повторяла Брижит, его мать. Эти слова ужасали Пакома. Он чувствовал, что жители Сен-Прима, как и он, тоже чего-то боятся, но до конца не понимал, чего именно. Зима уже закончилась, эта страшная квебекская зима с невероятно обильными снегопадами; после таяния

такого количества снега реки вышли из берегов. Но на этот раз дело было не в одной лишь природе.

Молодой человек встряхнул головой, своей многострадальной головой, в которой бешеным вихрем проносились слова и цифры, а ему так хотелось упорядочить мысли, разложить по полочкам все, что смешалось в его голове: плотины, Иль-Малинь, мост Таше, гидроэлектростанции, правительство... подъем уровня воды в озере с 19,5 до 24 и с 20,28 до 25.

Мэр, который очень хорошо относился к Пакому, попытался объяснить ему суть проблемы. В 1926 году крупная американская компания построила плотины на реках Гранд-Дешарж и Птит-Дешарж, текущих из озера Сен-Жан в город Альма¹, и с тех пор объем воды в озере стал стремительно увеличиваться. С давних пор уровень воды в озере Сен-Жан измеряли с помощью рейки с градуированной шкалой, установленной на набережной Роберваля. Но до постройки плотин даже весной, во время бурных паводков, уровень воды редко доходил до отметки 18. Для Пакома все эти объяснения казались сплошной тарабарщиной: он ничего не понимал. Тем не менее он принял решение присматривать за берегом: по крайней мере за новым берегом, который представлял собой полоску травы, омываемую волнами озера. Вскоре путь ему преградил ствол поваленного дерева. Он стал перелезать через ствол с ощущением, будто совершает настоящий подвиг. Древесина цвета слоновой кости была скользкой.

— Господи Иисусе!

Его левая нога застряла между двух веток. Паком зашатался и упал лицом вниз так, что его нос едва не оказался в озере.

— Ох! Что я вижу!

Уж не бредит ли он? Лучи солнца отражались от голубоватого камня и серебряного кольца с жемчужиной, которые находились примерно в двух сантиметрах от поверхности воды. Кольцо искрилось на чьей-то руке, такой же красивой, как и само украшение, — это была крохотная ручка молочно-

¹ Город в Квебеке, в регионе Сагней-Лак-Сен-Жан.

белого цвета. Сердце Пакома бешено заколотилось. Широко раскрытыми от ужаса глазами он смотрел на голую руку, плечо, затем его взгляду открылись изящная шея, волосы, похожие на водоросли... Наконец он смог рассмотреть и лицо.

— Эмма... Эмма Клутье...

На несколько мгновений он остолбенел от этого жутковатого зрелища, а затем оцепенение сменилось паникой. Упираясь ладонями в рыхлую почву, Паком заметался в надежде освободить ногу. Из его глотки вырвался гортанный хрип, постепенно переходящий в протяжный ужасающий вопль. Он ушел далеко от Сен-Прима, никто не мог его услышать, а даже если бы каким-то чудом это и произошло, его вопль приняли бы за крик заблудившегося животного — попавшей в беду коровы или овечки.

После многократных усилий Пакому все же удалось встать на ноги. Он потерял один ботинок, но, не обращая на это ни малейшего внимания, топтался в грязи, не в силах решить, что же делать дальше.

«Мне нужно вытащить Эмму отсюда... Нет, лучше побежать к ее родителям... Нет, я не могу оставить ее в озере, нужно сначала вытащить ее на землю», — размышлял он в растерянности.

Но если разум его был недостаточно силен, то мышцы работали превосходно. Паком, обладая телосложением борца, запросто мог носить тяжелые тюки или, когда снега наваливало особенно много, перевозить дрова, запрягшись в семейные сани.

«Я вытащу ее отсюда, аккуратно положу на землю, а потом побегу рассказать Клутье». Чувствуя облегчение, оттого что решение наконец было принято, молодой человек подхватил легкое тело Эммы под мышки. Утопая в грязи, он начал тащить тело вверх на берег. Наконец из его горла вырвался сдавленный стон облегчения — он опустил тело на твердую почву, на довольно большом расстоянии от беспокойной воды. Это была нелегкая работа, заставившая его хорошенько потеть. Поскольку он не решался крепко ухватить тело, то одежда Эммы скользила под его пальцами. Он был смущен